

THE LANGUAGES OF RUSSIAN DIPLOMACY IN THE EIGHTEENTH CENTURY

DOI 10.15826/qr.2023.4.842

УДК 94(485)"17" + 94(470)"17" + 929Петр(470)*I + 81'42:327.7

Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка*

Яна Ларина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Petrine Era: The Chronicle of Language Choice**

Yana Larina

HSE University,
Moscow, Russia

The languages of Russian-Swedish negotiations, congresses, and peace treaties of the reign of Peter I have rarely been mentioned in the works covering the history of Russian-Swedish relations or foreign policy, and they have never become the subject of special research. Based on a vast set of sources deposited in the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), and the Swedish National Archives (Riksarkivet), the article provides an overview of major diplomatic events of the Russian-Swedish relations of 1718–1724, paying close attention to the language of negotiations, peace treaties, ratifications, and correspondence. At the time, when both sides used their national language, the traditional bilingualism of the Russian-Swedish diplomatic documents coexisted with the active use of the German language as a neutral one. More particularly, this was due to the lack of Swedish translators in Russia and the fact that both Russian and Swedish diplomats were of German descent or spoke German. However, the author argues that the use of German was not obvious and had limits, as languages of diplomacy retained their symbolic meaning. Traditionally, the formation of the Petrine diplomatic system is described as a departure from tradition, the inclusion of Russia into the eighteenth-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 22-48-04402.

** Citation: Larina, Ya. (2023). Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Petrine Era: The Chronicle of Language Choice. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1196–1214. DOI 10.15826/qr.2023.4.842.

Цитирование: Larina Ya. С Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Petrine Era: The Chronicle of Language Choice // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1196–1214. DOI 10.15826/qr.2023.4.842 / Ларина Я. Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1196–1214. DOI 10.15826/qr.2023.4.842.

century state system, and its adaptation to the diplomatic customs of European diplomacy. A review of the Russian-Swedish diplomatic language practices shows that each side employed its language, and Swedish diplomats refused outright to communicate with Russian authorities in German. The author assumes that studying early modern European diplomacy requires a micro-perspective and regional focus. This approach could be more productive for understanding the formation and functioning of early modern diplomacy than the traditional framework of Russian integration into the uniform European diplomatic system.

Keywords: Russia, Sweden, diplomacy, languages of diplomacy, Peter I, 18th century

Языки российско-шведских переговоров, мирных договоров и конгрессов, происходивших в правление Петра I, редко упоминались в работах по истории российско-шведских отношений или внешней политики и не становились объектом специального изучения. На основании широкого круга источников, хранящихся в РГАДА, АВПРИ и шведском Государственном архиве (Riksarkivet), автор статьи предлагает обзор ключевых дипломатических событий в российско-шведских отношениях 1718–1724 гг. Особое внимание уделяется языку переговоров, мирных договоров, ратификаций и переписки. В этот период традиционное двуязычие российско-шведских дипломатических документов, когда обе стороны использовали свой национальный язык, сосуществовало с активным использованием немецкого языка как нейтрального. В частности, это было обусловлено нехваткой переводчиков с шведского в России и немецким происхождением как российских, так и шведских дипломатов или их владением немецким языком. В то же время автор утверждает, что использование немецкого не было само собой разумеющимся и имело пределы, поскольку языки дипломатии сохраняли свое символическое значение. Складывание дипломатической системы в эпоху Петра I рассматривалось исследователями в парадигме отхода России от своих традиций и одностороннего приобщения к европейской дипломатической культуре. История российско-шведских дипломатических практик показывает, что обе стороны использовали национальные языки, а шведские дипломаты зачастую отказывались вести коммуникацию на немецком. По мнению автора, возможно, более продуктивным для понимания функционирования дипломатии раннего Нового времени окажется не столько сравнение петровской системы с европейской, сколько характеристика дипломатических (в том числе языковых) практик на двустороннем и региональном уровнях.

Ключевые слова: Россия, Швеция, дипломатия, языки дипломатии, Петр I, XVIII в.

Изменения в российской дипломатии, произошедшие в правление Петра I, часто трактовались в историографии в парадигме «разрыва с традицией» [Bohlen, p. 341, 346], одностороннего приобщения к устоявшейся системе европейских дипломатических отношений, ее языковым и церемониальным практикам. При этом языковые традиции российско-шведской дипломатии оказывались на периферии или даже за пределами европейского контекста: «Шведский язык оставался до конца века (XVII. – Я. Л.) исключительно экзотическим языком в европейской

дипломатии. Переговоры и дипломатическая переписка с другими государствами не могли вестись на шведском. Соответствующие попытки служили скорее отстаиванию культурного и дипломатического равенства, чем утверждению шведского в Европе» [Droste, S. 163]¹.

В первой четверти XVIII в. в российско-шведской дипломатической коммуникации немецкий язык приобретал все большее распространение. Динамика и причины этого процесса остаются до сих пор малоизученными. Симптоматично замечание Й. Буркхардта, что даже для многих историков факт заключения Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией на немецком языке остается неизвестным или неожиданным [Burkhardt, S. 503]. При этом факт составления текста Ништадтского мирного договора на немецком языке он рассматривает и объясняет вне контекста языковых практик России и Швеции во время интенсивной дипломатической коммуникации до и после 1721 г. Впрочем, даже в специальных работах, посвященных ключевым событиям в истории российско-шведской дипломатии первой четверти XVIII в. [Hartman; Фейгина; Никифоров; Некрасов; Проскурякова], не уделялось внимания языкам переговоров, мирных договоров, дипломатической переписки – зачастую эти сведения не так просто найти. В 2021 г. было осуществлено факсимильное издание экземпляра договора, хранящегося в АВПРИ, с небольшим археографическим пояснением, но без обращения к обстоятельствам и причинам его составления на немецком языке [Текст Ништадтского мирного договора].

В статье предлагается обзор основных событий российско-шведских отношений в 1718–1724 гг. в их языковом измерении, в особенности обстоятельств обращения к немецкому языку. Выбор хронологических рамок обусловлен интенсивностью дипломатических контактов в этот период: в конце Северной войны по мере поиска способов урегулирования этого конфликта активизировалась дипломатическая коммуникация. Завершение войны и подписание мирного договора состоялись в ходе продолжительного Ништадтского мирного конгресса; результаты Северной войны (территориальные приобретения России, изменение баланса сил в Европе, усиление России, ослабление Швеции и др.) и принятие Петром I императорского титула требовали дальнейших дипломатических решений (делимитации границы, урегулирования проблемы признания императорского титула Петра I в Швеции, выработки основ дальнейшего взаимодействия двух государств и т. п.).

Изучение обстоятельств использования немецкого языка или отказа от него в российско-шведской дипломатической коммуникации в динамике на протяжении нескольких лет (1718–1724), весьма насыщенных дипломатическими событиями, позволит осветить причины использования немецкого языка или отказа от него, а также увидеть, зависел ли языковой выбор от политической ситуации, отражая конфликты или стремление к согласию, или был обусловлен иными прагматическими причинами.

¹ Здесь и далее перевод цитат автора статьи.

Традиционно российские и шведские монархи обменивались грамотами на своих национальных языках (русском и шведском), тексты мирных договоров и пограничных соглашений также, как правило, составлялись на русском и шведском (оригинал текста на русском языке отправляли в Стокгольм, а на шведском – в Москву) [Westrin, s. 337; Ahnlund, s. 115].

Известны случаи, когда в XVII в. стороны отказывались использовать на различных уровнях дипломатической коммуникации немецкий язык. Так, во время межевания границы после заключения Столбовского мира взятый в Москве переводчик с шведского языка в дороге заболел, и пришлось привлечь к работе другого, чьим языком был немецкий [Селин, 2019, с. 132]. Посольский приказ указывал русским послам на необходимость использования немецкого языка в шведском экземпляре пограничного соглашения, однако «шведы отказывались писать свой экземпляр “хараты” по-немецки, настаивая на шведском языке» [Там же, с. 154]. Часто возникали трудности и даже скандалы из-за недостатка или низкой квалификации переводчиков [Селин, 2016, с. 519, 529]. Однако шведская сторона не соглашалась для упрощения коммуникации использовать другой язык: «Весной 1662 г. новгородский воевода кн. И. Б. Репнин обратился к генерал-губернатору С. Г. Гельмфельдту о дальнейшей переписке между ними “по-цесарски”, т. е. собственно на немецком языке... генерал-губернатор С. Г. Гельмфельдт отвечал, что это для него невозможно, и он не может отказаться от шведских секретаря и канцеляриста» [Там же, с. 529].

Шведская сторона отказывалась использовать нетрадиционный язык в дипломатической коммуникации и с другими странами. Когда в 1642 г. шведский посол на Вестфальском мирном конгрессе Юхан Оксеншерна (Johan Oxenstierna)² сообщил своему отцу канцлеру Акселю Оксеншерне (Axel Oxenstierna), что писал французскому послу на конгрессе графу д'Аво на латыни, но получал от него ответы неизменно на французском языке, А. Оксеншерна рекомендовал следующее:

Dine vexleschrieffter medh herr Davaux hafver jag genomläsedt, finner dem skällige och ex dignitate. Och ändoch du hafver lathedt igenom din schriffvelse påminna honom att schrieffva på latin och nu förfrågar dig huru du skaltt bära dig åth, så holler jag före att, så frampt ded icke alleredhe åhr skeett, där han åhnnu medh francösiskan continuerer, du då schrieffver på svenska och brukar däruthinnan svensk seedh inntill des han begynner schrieffva på latin [Från Axel Oxenstierna till Johan Oxenstierna]³.

² Здесь и далее фамилии шведских дипломатов приводятся на русском языке в соответствии с традициями отечественной историографии.

³ «Я прочитал твою переписку с господином д'Аво и нахожу ее подходящей и достойной. И хотя ты напомнил ему, что ему стоит писать на латыни, и теперь спрашиваешь, как тебе поступить, я считаю, если он продолжит писать на французском, отвечай ему на шведском до тех пор, пока он не начнет писать на латыни».

Э. Хаммар приводит свидетельство из дневника 1653–1654 гг. английского чрезвычайного посла при дворе королевы Кристины Балстрода Уайтлока (Bulstrode Whitelocke), согласно которому А. Оксеншерн противопоставил использованию французского в качестве дипломатического языка, «поскольку не понимал, почему одной нации следует отдавать предпочтение перед другими, почему иностранцы должны говорить на ее языке» [Hammar, s. 14]. Он был поборником латыни как общего языка дипломатии и пытался сдерживать проникновение в дипломатические документы и общение немецкого и французского языков, хотя владел ими [Ahnlund, s. 115–117].

В этом контексте представляются необходимыми отход от одностороннего изучения российских дипломатических практик в парадигме разрыва с традициями и изучение трансформации языкового выбора на уровне двусторонних российско-шведских отношений с учетом позиции шведской стороны. Такой подход позволит приблизиться к пониманию формирования и функционирования европейской дипломатии раннего Нового времени.

Аландский конгресс 1718–1719 гг.

Хотя полномочные грамоты обоих монархов своим представителям на конгрессе были по традиции написаны на национальных языках, основным языком Аландского конгресса стал немецкий. Этому было четыре основных причины.

Во-первых, из-за дефицита кадров и высокой загруженности переводчиков российская сторона смогла привлечь к полноценной работе на конгрессе только переводчика с немецкого языка Степана Волкова [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 1. Л. 16 об.; Д. 5. Л. 4].

Во-вторых, дипломаты с обеих сторон – российские уполномоченные на конгрессе Андрей Иванович Остерман, Яков Вилимович Брюс и находившийся в России вице-канцлер Петр Павлович Шафиров, шведские уполномоченные Георг Генрих фон Гёрц (Georg Heinrich von Görtz) и Карл Гилленборг (Carl Gyllenborg) – были носителями немецкого языка или свободно владели им. Более того, немецкий вошел в практику внутренней переписки сторон: П. П. Шафиров и А. И. Остерман вели частную переписку о делах конгресса на немецком [Там же. Д. 1], шведские уполномоченные Г. Гёрц и К. Гилленборг писали донесения Карлу XII тоже на немецком языке [RA. Diplomatica. Muscovitica. Vol. 125. Plenipotentiarierne vid fredsunderhandlingar på Åland till Kongl. Majt och Kanslikollegium 1718].

В-третьих, стороны договорились для упрощения и ускорения начала переговорного процесса использовать немецкий – в частности, прикладывать к полномочным грамотам и паспортам копии на этом языке [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 6. Л. 32; Д. 16. Л. 52]. Как отмечали исследователи, позиция сторон по вопросам языка служила индикатором: уступчивость в выборе языка свидетельствовала о стремлении достичь политического соглашения, в то время как непримиримость

в этом вопросе говорила об обратном [Braun, S. 106]. А в ситуациях, когда дипломаты стремились избежать жесткого открытого противостояния, конфликт мог переноситься в более безобидную плоскость языка [Osthus, S. 90].

В-четвертых, немецкий был нейтральным языком, «неприродным» ни для одной из сторон, и не нарушал их дипломатического равенства. В то же время в 1719 г. шведский уполномоченный Юхан Лиlienстедт (Johan Lillienstedt) отказывался допустить на конгресс прусского уполномоченного Густава фон Мардефельда (Gustav von Mardefeld), поскольку по традиции Швеция сносила с имперскими князьями на латинском языке, а «прусская полная мочь на немецком языке яко на природном написана, а его, Лиlienштета, на латинском яко на чужем» [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1719 г. Д. 5. Л. 523–523 об.].

На немецком языке в ходе Аландского конгресса были написаны большая часть переписки российских и шведских дипломатов [Там же. 1718 г. Д. 16; RA. *Diplomatica. Muscovitica*. Vol. 126. *Brev från ryska plenipotentiarierna 1717–1718*], декларация об отмене церемониала на конгрессе [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 16. Л. 111–111 об.], паспорта судам отходящим и приходящим [Там же. Д. 6. Л. 159–164], проекты мирного договора [Там же. Д. 11. Л. 126–136 об., 137–144 об., 145–148, 149–154 об.].

Незадолго до начала и в ходе Аландского конгресса появились примеры, когда и к царским грамотам, адресованным шведским монархам, прилагались копии на немецком языке. Так, на русском языке была написана грамота Петра I шведской королеве Ульрике Элеоноре от 31 марта 1719 г. (направленная в ответ на ее известительную грамоту от 4 февраля о смерти Карла XII) с соболезнованием в связи с его кончиной и извещением об отправлении в Швецию бригадира Лефорта с поздравлением по случаю ее вступления на престол [Там же. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 1–2 об.]. Согласно делопроизводственной записи, к оригинальной русской грамоте не была приложена копия ни на шведском, ни на немецком языке, однако одна немецкая копия была дана Лефорту, чтобы он мог подать ее в случае необходимости [Там же. Л. 3]. Сохранился ее отпуск на немецком языке [Там же. Л. 4–6 об.]. Также 31 марта 1719 г. была подписана царская грамота супругу шведской королевы Фридриху Гессен-Кассельскому с соболезнованиями о кончине Карла XII и одновременным поздравлением с вступлением на престол его супруги. К грамоте на русском языке была приложена немецкая копия [Там же. Л. 9, 10–11], а «надпис на коверте учинена по французски»: «A son Altesse Le Prince Hereditaire de Hessen Cassel Notre cher Cousin. Ego высочеству наследному принцу Гесен Каселскому Нашему любезному племяннику⁴» [Там же. Л. 8 об., 11]. Вероятно, в данном случае приложение копии на немецком было обусловлено происхождением Фридриха Гессен-Кассельского, для которого немецкий был родным

⁴ Так у переводчика XVIII в., приведен современный оригиналу перевод.

языком. Также сохранились копии грамоты Петра I шведской королеве от 21 августа 1719 г. на русском и немецком языках [РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 12–18 об., 34–45].

Ништадтский мирный договор 1721 г.

Ко времени заключения Ништадтского мирного договора уже был накоплен опыт Аландского конгресса. Поскольку мы располагаем сведениями о том, что проект мирного договора на Аландах был составлен на немецком языке, вполне логичным представляется и факт составления Ништадтского мирного договора на немецком. Были составлены два идентичных экземпляра, оба были подписаны 30 августа 1721 г. всеми – как шведскими, так и российскими уполномоченными [АВПРИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 466. Л. 1–12; RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Fredsfördrag. 1721. SE/RA/25.3/2/21/A/b].

Петр I 9 сентября 1721 г. подписал ратификационную грамоту на договор на русском языке. Она включала, как и требовалось, полный текст Ништадтского мирного договора. Однако он был изначально написан на немецком языке, а текст ратификационной грамоты был полностью написан на русском – получалось, что он включал не оригинальный немецкий текст, а его перевод на русский язык. Язык ратификаций был самым консервативным, такие грамоты давались только на русском языке. Несмотря на готовность заключить мирный договор на немецком, эта традиция была соблюдена. Для исключения возможных осложнений и протестов с шведской стороны вместе с русским оригиналом ратификации была сшита ее копия на немецком, которую заверил П. П. Шафиров:

Daß gegenwertiges Teutsches dem Reußischen Original in allem conform, solches wird von mir auff hohen Befehl affirmo. Peter Freyherr von Schaphiroff, als Ihro Zaarischen Ma[jestät] Wirklich[er] Geheimbt Rath und vice Cantzler [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1721. SE/RA/25.3/2/21/D]⁵.

Более того, в связи с тем, что ратификационная грамота, включавшая мирный договор, была дана на русском с приложением копии на немецком, российские полномочные министры Я. В. Брюс и А. И. Остерман 19 сентября 1721 г. подписали в Ништадте специальную декларацию:

Als declariren und versichern wir unterzeichnete S[einer] Czaar[ischen] M[a]jestät Ministres-plenipotenciaires hiemit, daß in S[einer] Czaar[ischen] M[a]jestät Cantzeley alle Ratificationes nebst denen errichteten Tractaten in der Reuß[ischen] Sprache und nicht anders ausgefertigt werden, und das man

⁵ «Что настоящий немецкий с русским оригиналом во всем сходен, по высочайшему повелению подтверждаю. Петр барон фон Шафиров, его царского величества действительный тайный советник и вице-канцлер».

bey vorfallenden Begebenheiten an den Inhalt des deutschen Exemplars sich zu halten soll berechtiget seyn [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1721. SE/RA/25.3/2/21/D]⁶.

В свою очередь, в шведской ратификационной грамоте титулы, преамбула и завершение ратификации были написаны на шведском языке, текст договора был внесен на немецком языке, а копии ни на каком языке приложено не было [АВПРИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 466. Л. 1–12; Там же. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 32. Л. 2 об. –3].

Демаркация российско-шведской границы в 1722–1723 гг.

Проекты мирного договора на Аландском конгрессе и Ништадтский мирный договор были составлены на немецком языке как нейтральном, «неприродном» для обеих сторон. Тогда выбор языка был продиктован прагматическими соображениями и не стал предметом конфликта. Однако подобного единодушия вовсе не наблюдалось в 1722–1723 гг. при проведении новой российско-шведской границы. Российские комиссары Иван Максимович Шувалов и Иван Васильевич Стрекалов и шведские Аксель Лёвен (Axel Löwen) и Якоб Юхан Фабре (Jacob Johan Fabre) должны были провести разграничение, составить записи о новой границе («инструмент») и разменяться ими.

Когда линия разграничения была определена, выяснилось, что «в написании о том записей швецкие комиссары еще затруднение чинят» – они отказывались приводить в пограничном соглашении императорский титул Петра I (который еще не был признан в Швеции), требуя указать его, как в Ништадтском мирном договоре, и «чтоб те обе записи подписать обоих стран всем комиссаром, и дабы оные писаны были со обоих стран на немецком языке, а не на росииском и не на свейском» [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1722 г. Д. 26. Л. 112 об. –113]. Согласно протоколу конференции А. И. Остермана с шведским посланником Германом Цедеркрейцем (Herman Cedercreutz) от 15 ноября 1722 г., российская сторона предложила уполномоченным составить каждым свой вариант пограничного соглашения:

...Чтоб те записи разграничения написаны были с свейской стороны на свейском или немецком, а с нашей – на росииском языке, ибо наши комиссары понемецки не умеют, и тако им невозможно тем языком записи писать, котораго не обучались, и те б записи ради разности титула Его императорского величества комиссары каждые токмо свою подписали, и розменялись, и таким образом сие дело кончали [Там же. Л. 113 об. –114].

⁶ «Декларируем и уверяем сим мы, нижеподписавшиеся его царского величества полномочные министры, что в канцелярии его царского величества все ратификации вместе с учиненными трактатами составляются не иначе как на русском языке и что во всех приключаящихся случаях следует придерживаться содержания немецкого экземпляра».

30 марта 1723 г. российские и шведские уполномоченные подписали записи о границе и поменялись ими. Сторонами был достигнут компромисс. Оригинальный экземпляр русского пограничного «инструмента» составлен на русском языке и подписан только И. М. Шуваловым и И. В. Стрекаловым, к нему приложен (прошит тем же шнуром) перевод этого текста на шведский язык, заверенный переводчиками, участвовавшими в переговорах:

Att detta med föregående sielfwa Original gräntze Tractaten är af lyka innehåld, betyge wy underskrefne ut Supra Alexius Mankewitz Ryss[ka] Translator, Friedrich Wittstock Swänska Transl[ateur]. [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Traktat angående gränsen mellan Sverige och Ryssland. 1723. SE/RA/25.3/2/22/A]⁷.

Шведский экземпляр был составлен на шведском языке и подставлен только шведскими уполномоченными А. Лёвеном и Я. Ю. Фабре. К нему также приложен перевод на русский язык, удостоверенный переводчиком Ф. Витстоком⁸ [Ibid. Svensk översättning av ryska originaltraktaten. SE/RA/25.3/2/22/B]. Ратификации, включавшие записи о границе, были составлены на национальных языках [РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 700. Л. 384; RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/22/C].

В данном случае несогласие по поводу языка отражает политические разногласия – нежелание шведской стороны признавать императорский титул Петра I и нежелание российской стороны отказаться от его включения в текст договора, что делало невозможным составление единого текста на немецком языке по примеру Ништадского мирного договора. В то же время найденное компромиссное решение при выборе языка (возврат к традиции подписания каждой стороной только экземпляра на своем языке) свидетельствует о готовности снизить конфликтность ситуации, завершить урегулирование границы, не прерывая переговоров.

⁷ «Что этот [текст] одного содержания с предшествующим [ему] собственно оригинальным трактатом о границе, удостоверяем мы, нижеподписавшиеся ut supra Алексей Манкевич, русский переводчик, Фридрих Витсток, шведский переводчик». А. И. Манкевич (Манкиев, Манкеев) служил секретарем у русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова, с 1720 г. – переводчик с шведского, латинского и польского в Коллегии иностранных дел (КИД), в 1721 г. был переводчиком на Ништадтском конгрессе, в 1722 г. был определен в Комиссию по разграничению, умер 16 мая 1723 г. [см. об этом: Долгова, с. 337].

⁸ Копия шведского экземпляра пограничного договора сохранилась в шведском Государственном архиве вместе с оригиналом русского экземпляра и ратификацией. Ее соответствие оригиналу, переданному русским комиссарам, удостоверяю А. Лёвеном и Я. Ю. Фабре: "Att denne Copia är enligt med det til Ryske Commissarierne öfvergifne Original Instrument, attestere Axel Löwen, Jacob Johan Fabre" [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Svensk översättning av ryska originaltraktaten. 1723. SE/RA/25.3/2/22/B] (перевод: «Что эта копия согласна с переданным русским комиссарам оригинальным инструментом, свидетельствуют Аксель Лёвен и Якоб Юхан Фабре»).

Признание императорского титула Петра I в Швеции в 1723 г.

Императорский титул Петра I был признан в Швеции на риксдаге в июне 1723 г., а 8 июля шведский король подписал соответствующую поздравительную грамоту императору на шведском языке, ее копия была отправлена в Россию посланником в Стокгольме Михаилом Петровичем Бестужевым [АВПРИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 475. Л. 4–5 об., 9–10 об.]. Однако до окончательного разрешения этого вопроса и вручения оригинальной грамоты шведским посланником в России самому императору шведская сторона потребовала от М. П. Бестужева подписать специальную декларацию о том, что признание императорского титула не повлечет за собой изменения церемониала и не нарушит равенства российского и шведского монархов. Такая декларация на немецком языке была подписана им в Стокгольме 24 октября 1723 г. [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Ryske envoyén Bestuscheffs deklARATION angående kejsartiteln. 1723. SE/RA/25.3/2/23/A].

Петр I 28 ноября 1723 г. подписал ратификационную грамоту на декларацию М. П. Бестужева, которая включала ее текст «от слова до слова». Но поскольку она была традиционно написана на русском языке, а первоначальный текст М. П. Бестужева – на немецком, к ней был приложен и прошит тем же шнуром перевод ратификации на немецкий с включением оригинального немецкого текста декларации [Ibid. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/23/B].

На конференции в Коллегии иностранных дел (далее – КИД) шведскому посланнику Г. Цедеркрейцу 29 ноября 1723 г. были переданы оригинальная декларация («реверс») Бестужева и ее ратификация, после чего ему мог быть назначен день аудиенции для принятия от него поздравительной грамоты шведского короля о признании императорского титула Петра I [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 18. Л. 118–118 об.].

Стокгольмский договор 1724 г.

После того, как в Швеции был признан императорский титул Петра I, стороны вновь перешли к бесконфликтному использованию немецкого языка в двусторонних договорах – общий текст Стокгольмского союзного оборонительного договора, заключенного М. П. Бестужевым с шведскими дипломатами 22 февраля 1724 г. (включая сепаратный и секретные артикулы), был составлен на немецком языке [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Defensivallians. 1724. SE/RA/25.3/2/24/A].

Царская полномочная грамота, данная М. П. Бестужеву для ведения переговоров и заключения договора, была написана на русском языке с приложением копии на немецком языке [Ibid. Kejsar Peter I: s fullmakt för Bestuscheff. 1723. SE/RA/25.3/2/24/Db]. Ратификационная грамота царя была написана на русском языке, однако к ней был при-

ложен перевод на немецкий язык [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1724. SE/RA/25.3/2/24/E].

После признания императорского титула Петра I и, соответственно, преодоления разногласий по поводу его употребления в текстах договоров стороны вернулись к прагматическому использованию нейтрального немецкого языка, тем более что дипломаты, которые вели предварительные переговоры об условиях заключения договора и вырабатывали его текст (А. И. Остерман, Й. Цедергельм, Д. Н. Гёпкен, М. П. Бестужев и др.), были носителями немецкого языка или свободно владели им, участвовали в дипломатических переговорах предшествующих лет и (как будет показано далее) вели переписку о его заключении в 1722–1724 гг. в основном на немецком языке.

Язык коммуникации шведских дипломатических представителей в России

Еще одним уровнем, на котором использовался немецкий язык в рассматриваемый период, была коммуникация шведских дипломатов в России – их патенты, мемориалы и, вероятно, конференции в КИД.

Патенты шведским дипломатам давались на шведском языке, но с приложением копий на немецком, с которых в КИД делали переводы. Например, патент шведского секретаря комиссии Сихмонта Паулина (Sichmont Paulin), присланного в сентябре 1723 г. «в российском языке вспоможение чинить» посланнику Г. Цедеркрейцу [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 22. Л. 2–2 об., 5–5 об.]. «Полная мочь» Томаса Книперкроны на должность агента также была дана на шведском языке [Там же. Д. 18. Л. 12–12 об.] с приложением в КИД копии на немецком [Там же. Л. 13–13 об.].

В КИД чрезвычайный посланник Г. Цедеркрейц подавал мемориалы на немецком языке [Там же. 1722 г. Д. 26. Л. 2–8 об., 40–42, 47–48, 67–68; Там же. 1723 г. Д. 18. Л. 4–5, Л. 7–7 об.]. К некоторым мемориалам были приложены переводы на русский, предоставленные самим Г. Цедеркрейцем, другие переводили переводчики с немецкого в КИД Петр Ларионов, Иван Келлерман, Петр Волков и Косьма Хрипунов. Более опытные из них поправляли выполненные другими коллегами переводы и свидетельствовали их правильность.

В протоколах конференций шведского посланника Г. Цедеркрейца 1722–1723 гг. в КИД не отмечено, на каком языке происходило общение – никаких помет о присутствии переводчика или переводе нет, черновик и беловой текст протокола написаны на русском. В то же время содержатся фразы «росииския министры предлагали ему... на что он ответствовал...», «он, посланник, объявил...», «посланник на то объявил...» [Там же. 1722 г. Д. 26. Л. 84–85].

В протоколе конференции 15 ноября 1722 г. отмечено, что «был в апартаменте коллегии иностранных дел по призыву швецкой чрезвычайной посланник барон Цедеркрейц, с которым тайной советник

господин барон Остерман имел конференцию», при этом «в начале тайной советник господин барон Остерман объявил шведскому посланнику... шведкой посланник на сей 1 пункт во ответ объявил» и т. д. [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. Л. Л. 111–111 об.].

Протоколы конференции 24 апреля 1723 г. с шведским и прусским посланниками в КИД также написаны на русском языке, но не содержат никаких сведений о том, на каком языке они велись и присутствовал ли переводчик. Хотя отмечено: «росииския министры им объявили...», «и на то сначала шведкой министр объявил...», «а пруской ответствовал, что...», «после того остался один шведкой министр, и оному говорено...» [Там же. 1723 г. Д. 18. Л. 24–26 об.].

Пока можно только предположить, что рабочим языком конференций мог быть немецкий – с учетом языка мемориалов и сохранившегося письма Г. Цедеркрейца А. И. Остерману по обсуждавшимся тогда вопросам на немецком языке.

Язык переписки российских и шведских дипломатов

Основным языком коммуникации на Аландском конгрессе был немецкий. Переписка российских и шведских уполномоченных, которая велась при подготовке Аландского конгресса и во время их отлучек с места переговоров, происходила преимущественно на немецком языке [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 16; RA. *Diplomatica. Muscovitica*. Vol. 126. *Brev från ryska plenipotentiarierna 1717–1718*]. П. П. Шафиров также вел переписку с Г. Гёрцем на немецком [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 15]. Однако Г. Гёрц и К. Гилленбург писали А. И. Остерману иногда и на французском [Там же. Д. 16. Л. 119–124 об.]. А переписка А. И. Остермана с прусским полномочным министром Г. Мардефельдом полностью происходила на французском языке [Там же. Д. 17]. В письмах Аландского конгресса не всегда можно объяснить смену языка, выбор одним и тем же корреспондентом в одном случае немецкого, а в другом – французского.

В то же время на примере писем шведского чрезвычайного посланника в России Г. Цедеркрейца А. И. Остерману можно предположить, что немецкий использовался для писем более формального, а французский – неформального характера. Так, письмо Г. Цедеркрейца от 14 ноября 1723 г. с обращением к А. И. Остерману “*Nochwohlgebohrener Herr Baron und Geheimter Rath*”⁹, в котором он сообщал о готовности шведского короля завершить процедуру признания императорского титула Петра I в связи с ратификацией императором «реверса» М. П. Бестужева, было написано на немецком языке [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 18. Л. 109–110 об.].

Незадолго до этого 9 октября 1723 г. Г. Цедеркрейц написал А. И. Остерману более частное письмо на французском языке с просьбой о выдаче шведским властям танцмейстера Шульца: «*Monsieur...*

⁹ «Высокоблагородный господин барон и тайный советник».

S'il vous plaît cher frer de parler a Sa Majeste touchant le Maitre de danse Schultz »; переводчик КИД Франц Шевиус перевел это как «Прошу вас, моего государя, да изволите Его императорскому величеству донести о танцмейстере Шульце», опустив выражение «cher frer» – «дорогой брат» [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 18. Л. 100–100 об., 102].

Сохранилась переписка А. И. Остермана с шведскими дипломатами Йосиасом Цедергельмом (Josias Cederhielm), Даниэлем Никласом фон Гёпкеном (Daniel Niklas von Hörken) и Карлом Гилленборгом (Carl Gyllenborg)¹⁰ 1722–1724 гг., в которой обсуждались вопросы признания императорского титула Петра I и заключения союзного оборонительного договора [Там же. 1722 г. Д. 21; Там же. 1723 г. Д. 19; Там же. 1724 г. Д. 8].

Количественно и по языкам представленные в делах письма этих корреспондентов распределяются следующим образом: письма Д. Н. Гёпкена – всего за три года семь, из них шесть – на немецком, одно – на французском; Й. Цедергельма – всего за три года 20, из них 16 – на немецком, четыре – на французском; К. Гилленборга – всего три, все на французском. В деле сохранилась и таблица шифра – «Цифирь с Цедергелмом» на французском языке [Там же. 1724 г. Д. 8. Л. 36–37], однако шифрованных текстов писем в делах нет. Сохранились пять отпусков писем А. И. Остермана Й. Цедергельму (два – на французском, три – на немецком).

С двумя корреспондентами (Й. Цедергельмом и Д. Н. Гёпкеном) А. И. Остерман вел переписку как на французском, так и на немецком языке. Как правило, ответное письмо было написано им на том же языке, что и полученное. При этом письма на немецком имеют включения на французском: это отдельные слова, выражения, постскриптум. Примечателен поздравительный постскриптум на шведском языке к французскому письму Д. Н. Гёпкена от 24 декабря 1722 г.: “Föronske H[erren] Secretararen een frögdefull instundande hälg och där på fölliande et wählsignat Nytt år!”¹¹ [Там же. 1722 г. Д. 21. Л. 30]. Эта смена языка отражала и смену регистра переписки, придавая письму более личный характер.

В переписке российских и шведских дипломатов преобладал немецкий язык, но примечательно появление писем и на французском.

¹⁰ Й. Цедергельм весной 1722 г. вернулся из российского плена в Стокгольм, в 1723 г. был членом центрального органа риксдага – Секретного комитета и его малой секретной депутации, обсуждавшей наиболее важные и секретные внешнеполитические вопросы, в августе 1723 г. был назначен государственным советником [Carlquist]. Д. Н. Гёпкен с 1719 г. статс-секретарь по иностранным делам, к 1723 г. стал одним из самых влиятельных политиков и дипломатов Швеции [Helander]. К. Гилленборг был шведским послом в Лондоне, где в 1717 г. был арестован и выслан в связи с заговором якобитов, затем полномочным министром на Аландском конгрессе, гофканцлером, с 1723 г. он государственный советник и наряду с Й. Цедергельмом член Секретной комиссии, которая занималась важнейшими внешнеполитическими вопросами между сессиями риксдага [Grauers].

¹¹ «Желаю господину секретарю радостного наступающего праздника и последующего благословенного Нового года!»

Однако в рассматриваемый период на французском еще не составлялись грамоты, договоры, ратификации и другие официальные документы, язык которых был традиционным и наименее вариативным.

Подводя итоги, отметим, что в насыщенный дипломатическими событиями период 1718–1724 гг. в российско-шведской коммуникации активно использовался немецкий язык. Это было обусловлено тем, что он воспринимался как нейтральный, «неприродный» ни для одной из сторон. Важно, что он не был общепринятым языком коммуникации на севере Европы, подобно тому, как латынь была *lingua franca* европейской дипломатии. Использование немецкого не было само собой разумеющимся, каждый случай имел свои особенности, ограничения и контекст, что явно показали проблема с полномочной грамотой прусского уполномоченного Г. Мардефельда на Аландском конгрессе или отказ российской и шведской сторон составить записи о границе в 1723 г. на немецком языке.

Однако можно сказать, что в российско-шведской дипломатической коммуникации происходили размывание традиции заключения договоров на национальных языках и появление подписанных обеими сторонами идентичных экземпляров договоров на немецком языке. Это было связано, помимо прочего, с появлением как в Швеции, так и в России все большего числа дипломатов немецкого происхождения и постепенным распространением немецкого даже во внутренней дипломатической переписке.

Со временем происходили формирование европейской профессиональной дипломатической среды и инкорпорирование в нее российских дипломатов, которые сами могли и имели полномочия вести переговоры и переписку, не прибегая к услугам толмачей, а зачастую и переводчиков. Этот фактор был усилен нехваткой в России переводчиков с шведского языка и наличием в большей степени (хотя и перегруженных работой) переводчиков с немецкого.

Для использования немецкого языка и отхода от традиционного двуязычия не столько в личном общении дипломатов, сколько в первую очередь на консервативном уровне мирных договоров требовались взаимная договоренность и готовность к этой смене. Так, в XVII в. именно шведская, а не российская сторона отказывалась от использования немецкого и настаивала на составлении текстов мирных договоров и пограничных соглашений, на ведении переписки на национальных языках. А. Оксеншерн был поборником использования латыни или национальных языков в двусторонних отношениях. Все более активное использование немецкого языка в российско-шведской коммуникации в XVIII в. было связано не только с односторонней адаптацией Россией европейских образцов, привлечением на службу дипломатов немецкого происхождения, но и с соответствующими изменениями и в шведской дипломатической практике.

В то же время язык оставался традиционным отражением политического контекста и был тесно связан с вопросами суверенитета, чести

монарха и дипломатического равенства сторон. По-прежнему политические разногласия могли переноситься в плоскость языка, а конфликты по его поводу могли служить отражением политических конфликтов. В рассматриваемый период эта связь политического и языкового измерений наиболее ярко проявилась при подготовке пограничного соглашения в 1722–1723 гг.: политические разногласия из-за непризнания в Швеции императорского титула Петра I выразились в невозможности составления единого экземпляра на немецком языке.

Представляется, что нельзя сводить причины языкового выбора к какому-то одному фактору. Все они были взаимосвязаны и в совокупности оказывали влияние на языковой выбор дипломатической коммуникации.

Ян Хеннингс проанализировал церемониальные и придворные практики взаимодействия России и европейских государств в 1648–1725 гг. и предложил отказаться от их противопоставления как «неевропейских» vs «сложившихся на основе международного права». Он отметил, что международное право также вырабатывалось постепенно под воздействием изменения дипломатических обычаев и их постепенной же стандартизации и превращения в свод общепринятых норм [Hennings, p. 111].

В петровское время происходила трансформация российской дипломатической системы. Однако, возможно, более продуктивными для понимания как ее места в европейской системе, так и истории дипломатии раннего Нового времени в целом окажутся изучение процесса изменения двусторонних языковых дипломатических практик и сравнение траекторий этих изменений.

Библиографические ссылки

АВПРИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 466, 475; Ф. 96. Оп. 96/1. 1722 г. Д. 21, 26; 1723 г. Д. 18, 19, 22; 1724 г. Д. 8.

Долгова С. Р. Русский резидент в Швеции А. Я. Хилков и загадка А. И. Манкиева // Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова (1676–1717). К истории Северной войны : сб. док. / сост. С. Р. Долгова, Г. Р. Якушкин. М. ; СПб : Альянс-Архео, 2015. С. 333–342.

Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М. : Наука, 1964. 274 с.

Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 498 с.

Проскураякова М. Е. Русско-шведское разграничение в Финляндии и институт пограничных комиссаров после Ништадтского мира // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв. : сб. ст. к 100-летию со дня рожд. И. П. Шацкого. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 248–286.

РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 1, 5, 6, 11, 15–17; 1719 г. Д. 1, 5; Ф. 248. Оп. 13. Кн. 700.

Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие : ист. очерки. Изд. испр. и доп. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 2016. 864 с.

Селин А. А. Столбовский мир 1617 года. Изд. 2-е, испр. СПб. : Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 2019. 208 с.

Текст Ништадтского мирного договора : (Из фондов Архива внешней политики Российской империи МИД РФ) // Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи. 1721–2021. М. : Вече, 2021. С. 11–52.

Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 546 с.

Ahnlund N. Diplomatiens språk i Sverige // Svenskt och nordiskt från skilda tider. Stockholm : Norstedts, 1943. S. 114–122.

Bohlen A. Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great // Cahiers du monde russe et soviétique. 1966. Vol. 7, № 3. P. 341–358. DOI 10.3406/cmr.1966.1672.

Braun G. Verhandlungs- und Vertragssprachen in der „niederländischen Epoche“ des europäischen Kongresswesens (1678/79–1713/14) // Jahrbuch für Europäische Geschichte. 2011. № 12. S. 103–130. DOI 10.1515/9783486854084.103.

Burkhardt J. Sprachen des Friedens und was sie verraten. Neue Fragen und Einsichten zu Karlowitz, Baden und „Neustadt“ // Wege der Neuzeit. Festschrift für Heinz Schilling zum 65. Geburtstag / Hrsg. von S. Ehrenpreis, U. Lotz-Heumann, O. Mörke, L. Sejorn-Schütte. Berlin : Duncker & Humblot, 2007. S. 503–519.

Carlquist Gr. Josias Cederhielm. Svenskt biografiskt lexikon // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/14710> (accessed: 02.01.2023).

Droste H. Im Dienst der Krone. Schwedische Diplomaten im 17. Jahrhundert. Berlin ; Münster ; Wien : Lit Verlag, 2006. 430 S.

Från Axel Oxenstierna till Johan Oxenstierna. 1642–03–12 // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/dokument/oxenstierna/00163/0163t.xml#d> (accessed: 02.01.2023).

Grauers S. Carl Gyllenborg. Svenskt biografiskt lexikon // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/13351> (accessed: 02.01.2023).

Hammar E. Franskundervisningen i Sverige fram till 1807. Undervisningssituationer och lärare. Stockholm ; Uppsala : Föreningen för svensk undervisningshistoria, 1981. 187 s. (Årsböcker i svensk undervisningshistoria. Årgång LXI.)

Hartman K. J. Åländska kongressen och dess förhistoria : Del. 1–5.2. Åbo : Åbo akademi, 1921–1931.

Helander A. Daniel Niklas v. Höpken (1669–1727). Stockholm : Isaac Marcus Boktryckeri-Aktiebolag, 1927. 251 s.

Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. XII, 297 p.

Osthus D. Der Friedenskongress als Ort metasprachlicher Konflikte // Verständigung und Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress / ed. by A. Gerstenberg. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2014. S. 89–104.

RA. Diplomatica. Muscovitica. Vol. 125. Plenipotentiarierne vid fredsunderhandlingar på Åland till Kongl. Majt och Kanslikollegium 1718. Vol. 126. Brev från ryska plenipotentiarerna 1717–1718.

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Fredsfördrag. 1721. SE/RA/25.3/2/21/A/b // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/reXTx26zNY9VzAE7DCIZB6> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1721. SE/RA/25.3/2/21/D // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/odWdplc65qkwCvSU7zyMID> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/23/B // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/m57ZvKMICKIoES4rgvja00> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s fullmakt för Bestucheff. 1723. SE/RA/25.3/2/24/Db // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/tuLSCGNnRa2PeoLswodZv1> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Ryske envoyén Bestuscheffs deklaration angående kejsartiteln. 1723. SE/RA/25.3/2/23/A // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/SPYPY7PDqqoe6xiG0qonB0> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Svensk översättning av ryska originaltraktaten. 1723. SE/RA/25.3/2/22/B // Riksarkivet: [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/r0zn3Mv4vI9KcMngrkRdW4> (accessed: 02.10.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Traktat angående gränsen mellan Sverige och Ryssland. 1723. SE/RA/25.3/2/22/A // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/ItEFz37h6ILQJieRbBi8x3> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/22/C // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/WD3oYfsU4aAEpb8KIT30G1> (accessed: 02.10.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Defensivallians. 1724. SE/RA/25.3/2/24/A // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/CBUjXSFnzI1TQEIbwa6De5> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1724. SE/RA/25.3/2/24/E // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/8YmcyETrlgPStTjT17Li81> (accessed: 14.05.2022).

Westrin Th. Några iakttagelser angående franskan såsom diplomatiens språk // Historisk Tidskrift. 1900. Bd. 20. S. 329–340.

References

Ahnlund, N. (1943). Diplomatiens språk i Sverige. In *Svenskt och nordiskt från skilda tider*. Stockholm, Norstedts, s. 114–122.

AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 163. List 2. Dos. 466, 475; Stock 96. List 96/1. 1722. Dos. 21, 26; 1723. Dos. 18, 19, 22; 1724. Dos. 8.

Bohlen, A. (1966). Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great. In *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 7. No. 3, pp. 341–358. DOI 10.3406/cmr.1966.1672.

Braun, G. (2011). Verhandlungs- und Vertragssprachen in der „niederländischen Epoche“ des europäischen Kongresswesens (1678/79–1713/14). In *Jahrbuch für Europäische Geschichte*. No. 12, S. 103–130. DOI 10.1515/9783486854084.103.

Burkhardt, J. (2007). Sprachen des Friedens und was sie verraten. Neue Fragen und Einsichten zu Karlowitz, Baden und „Neustadt“. In Ehrenpreis, S., Lotz-Heumann, U., Mörke, O., Schorn-Schütte, L. (Hrsg.). *Wege der Neuzeit. Festschrift für Heinz Schilling zum 65. Geburtstag*. Berlin, Duncker & Humblot, S. 503–519.

Carlquist, Gr. (N. d.). Josias Cederhielm. Svenskt biografiskt lexikon. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/14710> (accessed: 02.01.2023).

Dolgova, S. R. (2015). Russkii rezident v Shvetsii A. Ya. Khilkov i zagadka A. I. Mankieva [A. Ya. Khilkov, a Russian Resident in Sweden and the Mystery of A. I. Mankiev]. In Dolgova, S. R., Yakushkin, G. R. (Eds.). *Epistolyarnoe nasledie russkogo rezidenta v Shvetsii A. Ya. Khilkova (1676–1717). K istorii Severnoi voiny. Sbornik dokumentov*. Moscow, Al'yans-Arkheo, pp. 333–342.

Droste, H. (2006). *Im Dienst der Krone. Schwedische Diplomaten im 17. Jahrhundert*. Berlin, Münster, Wien, Lit Verlag, 430 S.

Feigina, S. A. (1959). *Åländsk kongress. Vneshnyaya politika Rossii v kontse Severnoi voiny* [The Congress of Åland. The Russian Foreign Policy at the End of the Great Northern War]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 546 p.

Från Axel Oxenstierna till Johan Oxenstierna. 1642–03–12. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/dokument/oxenstierna/00163/0163t.xml#d> (accessed: 02.01.2023).

Grauers, S. *Carl Gyllenborg. Svenskt biografiskt lexikon*. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/13351> (accessed: 02.01.2023).

Hammar, E. (1981). *Franskundervisningen i Sverige fram till 1807. Undervisningssituationer och lärare*. Stockholm, Uppsala, Föreningen för svensk undervisningshistoria. 187 s. (Årsböcker i svensk undervisningshistoria. Årgång LXI.)

Hartman, K. J. (1921–1931). *Åländska kongressen och dess förhistoria*. Del. I–V.2. Åbo, Åbo akademi.

Helander, A. (1927). *Daniel Niklas v. Höpken (1669–1727)*. Stockholm, Isaac Marcus Boktryckeri-Aktiebolag, 251 s.

Hennings, J. (2016). *Russia and Courty Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XII, 297 p.

Nekrasov, G. A. (1964). *Russko-shvedskie otnosheniya i politika velikikh derzhav v 1721–1726 gg.* [Russian-Swedish Relations and the Politics of Great Powers]. Moscow, Nauka. 274 p.

Nikiforov, L. A. (1959). *Vneshnyaya politika Rossii v poslednie gody Severnoi voyny. Nishtadtskii mir* [Russian Foreign Policy during the Last Years of the Great Northern War. The Peace Treaty of Nystad]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 498 p.

Osthus, D. Der Friedenskongress als Ort metasprachlicher Konflikte. In Gerstenberg, A. (Ed.). *Verständigung und Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, S. 89–104.

Proskuryakova, M. E. (2018). Russko-shvedskoe razgranichenie v Finlyandii i institut pogranichnykh komissarov posle Nishtadtskogo mira [Russian-Swedish Delimitation in Finland and the Institution of Border Commissioners After the Peace Treaty of Nystad]. In *Novgorodskaya zemlya, Sankt-Peterburg i Shvetsiya v XVII–XVIII vv. Sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya I. P. Shaskol'skogo*. St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 248–286.

RA. Diplomatica. Muscovitica. Vol. 125. Plenipotentiarierne vid fredsunderhandlingar på Åland till Kongl. Majt och Kanslikollegium 1718. Vol. 126. Brev från ryska plenipotentiarierne 1717–1718.

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Defensivallians. 1724. SE/RA/25.3/2/24/A. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/CBUjXSFnz11TQELbwa6Dc5> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Fredsfördrag. 1721. SE/RA/25.3/2/21/A/b. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/reXTx26zNY9VzAE7DCIZB6> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1724. SE/RA/25.3/2/24/E. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/8YmcyETrlgPStTjT17Li81> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/23/B. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/m57ZvKMICKIoES4rgvja00> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s fullmakt för Bestucheff. 1723. SE/RA/25.3/2/24/Db. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/tuLSCGNnRa2PeoLSwodZv1> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Ryske envoyén Bestuscheffs deklaration angående kejsartiteln. 1723. SE/RA/25.3/2/23/A. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/SPYPY7PDqqoe6xiG0qonB0> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Svensk översättning av ryska originaltraktaten. 1723. SE/RA/25.3/2/22/B. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/r0zn3Mv4vI9KcMngrkRdW4> (accessed: 02.10.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Traktat angående gränsen mellan Sverige och Ryssland. 1723. SE/RA/25.3/2/22/A. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/ItEFz37h6ILQJieRbBi8x3> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1721. SE/RA/25.3/2/21/D. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/odWdplc65qkwCvSU7zyMID> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/22/C. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/WD3oYfsU4aAEpb8KIT30G1> (accessed: 02.10.2022).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 96. List 4. 1718. Dos. 1, 5, 6, 11, 15–17; 1719. Dos. 1, 5; Stock 248. List 13. Book 700.

Selin, A. A. (2016). *Russko-shvedskaya granitsa (1617–1700 gg.). Formirovanie, funkcionirovanie, nasledie. Istoricheskie ocherki* [The Russian-Swedish Border. Formation, Functioning, Heritage. Historical Essays]. Ed. add. St Petersburg, Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr “Blits”. 864 p.

Selin, A. A. (2019). *Stolbovskii mir 1617 goda.* [The Treaty of Stolbovo 1617]. 2nd Ed. St Petersburg, Russko-baltiiskii informatsionnyi tsentr “Blits”. 208 p.

Tekst Nishtadtskogo mirnogo dogovora (Iz fondov Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF) [The Text of the Peace Treaty of Nystad (From the Funds of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation)]. (2021). In *Nishtadtskii mirnyi dogovor i rozhdenie Rossiiskoi imperii. 1721–2021.* Moscow, Veche, pp. 11–52.

Westrin, Th. (1900). Några iakttagelser angående franskan såsom doplomatens språk. In *Historisk Tidskrift.* Bd. 20, s. 329–340.

The article was submitted on 26.05.2023